

*Бородкин Л.И. **

**Волны стачечного движения в России конца XIX – начала XX вв.:
о роли информационных факторов**

Характер и динамика социальных конфликтов во многом определяются процессами передачи и распространения информации. Эти процессы, распространяясь в неустойчивом социуме, могут приводить к неожиданному повороту в ходе событий. Выступления лидеров политических движений, легальная или нелегальная агитационная деятельность общественно-политических организаций и партий, распространение листовок и других печатных изданий, материалы прессы – все эти виды информационного воздействия и каналы передачи информации в социуме должны приниматься во внимание исследователями социальных конфликтов нового и новейшего времени. К таким процессам относятся, например, социальные конфликты в российской промышленности конца XIX–начала XX вв. Речь идет прежде всего о стачках, но массовое рабочее движение принимало и другие формы (волнения, предъявления требований, митинги, демонстрации), реализация которых проходила в том же информационном поле.

Изучению различных аспектов структуры и динамики стачечного движения в период дореволюционной индустриализации России посвящено много работ¹. Немало внимания уделялось причинам стачек и механизмам их возникновения и распространения. При этом стачечное движение изучалось на различных уровнях: в целом по стране, по отдельным регионам или губерниям, по тем или иным отраслям или группам производства. Необходимые данные на макроуровне можно было извлечь в основном из «Сводов отчетов фабричных инспекторов». Материалы опубликованных хроник рабочего движения (а также архивные документы) использовались для изучения стачек на микроуровне, в их локальном измерении.

Динамика стачечного движения в том или ином регионе (или в стране в целом), показателями которой выступают обычно число стачек и число стачечников, объясняется сложным сочетанием внешних и внутренних причин. Это, с одной стороны, экономическая конъюнктура, влиявшая на положение рабочего класса, события политического характера, изменения законодательства и другие внешние факторы. С другой стороны, это конкретные проявления социальных конфликтов на предприятиях, тяжелые случаи производственного травматизма, активность партийных агитаторов и рабочих активистов, другие «внутренние» факторы. Существенным фактором была и степень жесткости властей в подавлении рабочего протеста, уровень их контрагитации.

Важную роль в изменениях характера динамики стачечного процесса играет информационная среда, в которой развиваются социальные конфликты между рабочими и предпринимателями. Этот процесс нередко принимает взрывной ха-

* д.и.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова.

ракти, не всегда адекватный видимым причинам конфликта и отражающий эффект аккумуляции противоречий между конфликтующими сторонами.

В данной работе рассматривается роль внешних и внутренних факторов в развитии стачечной динамики, анализируются некоторые механизмы информационного воздействия на рабочую среду в процессе распространения стачечных волн. Сделана попытка показать, с помощью методов нелинейного моделирования, при каких условиях процессы самоорганизации в рабочей среде могут приводить к взрывному характеру конфликтов, к нелинейным эффектам в их развитии в силу действия *внутренних* факторов. Обсуждается нелинейная модель волн стачечной динамики, проводится ее анализ; в частности, выявляются условия, в которых эта динамика может иметь неустойчивый, хаотический характер, когда малые воздействия и информационные сигналы приводят к резким изменениям стачечной активности.

* * *

Как уже отмечалось, история конфликтов рабочих и предпринимателей в дореволюционной России, важнейшей составляющей которых было стачечное движение, имеет обширную историографию. Однако к концу 1970-х гг. стала ощущаться потребность в новых подходах к анализу статистических данных о структуре и динамике стачек, их связи с факторами социально-экономического и политического развития России в течение двух десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне. В начале 1980-х гг. группа исследователей из Института истории СССР АН СССР и Исторического факультета МГУ приступила к работе по созданию базы данных по материалам источников, характеризующих (на отраслевом уровне и в целом по фабрично-заводской промышленности) динамику стачечного движения в России, материального положения рабочих, экономическую конъюнктуру и другие факторы. Результаты этой десятилетней совместной работы В.И. Бовыкина, Ю.И. Кирьянова и Л.И. Бородкина дают оценку внешних факторов стачечного движения на макроуровне². Анализ отраслевых данных подтвердил выводы, полученные по всей фабрично-заводской промышленности в целом. Сопряженность показателей стачечного движения и промышленной конъюнктуры, а также материального положения рабочих обнаруживается лишь на уровне их годовых колебаний, причем степень этой сопряженности в 1895–1913 гг. была невысокой.

Гораздо выше оказались коэффициенты корреляции показателей стачечной активности с индикаторами агитационной активности левых партий и рабочих организаций (число выпущенных прокламаций и листовок; число пунктов, где были изданы первомайские листовки; количество лиц, вступивших в социал-демократические организации; число демонстраций). Однако здесь вряд ли следует искать однонаправленную причинно-следственную связь. Растущее стачечное движение побуждало политические и партийные организации расширять агитационно-пропагандистскую и организационную деятельность, что приводило к

развертыванию стачечной борьбы, вовлечению в нее большего количества участников.

Относительно слабая связь стачечной активности с показателями экономической конъюнктуры и материального положения рабочих фабрично-заводской промышленности в конце XIX – начале XX вв., выявленная на макроуровне, свидетельствует о необходимости рассмотрения динамики стачечного движения на микроуровне, позволяющем изучать причины и ход развития стачечных волн на отдельных предприятиях, в отдельном городе или населенном пункте индустриального типа (можно говорить и о мезоуровне, соответствующем промышленному району или, скажем, губернии). В контексте данной работы существенно, что стачечные процессы как на микро-, так и на мезоуровне развиваются в едином «информационном поле», в котором возникают взаимодействия участников процесса (групп рабочих одного предприятия; рабочих коллективов предприятий определенной отрасли промышленного района; всех предприятий города). Именно в такой информационной среде возникали групповые, коллективные, общепрофессиональные и общегородские стачки в конце XIX – начале XX в.³

Причины возникновения стачечных волн не всегда поддаются простому объяснению⁴. Они могли возникнуть без видимых причин, когда накопленная неудовлетворенность рабочих своим положением достигала такого уровня, что достаточно было любого повода для запуска «пускового механизма» стачки, нередко перераставшей рамки одного предприятия. Существенную роль при этом могли играть агитационные и организационные действия представителей партийных или политических организаций. Так, екатеринославский губернатор доносил в 1902 г. в Петербург:

«Есть некоторые промышленные заведения, состав рабочих которых уже зарекомендовал себя склонностью к протестам, забастовкам и проявляет постоянную готовность к беспорядкам... Разные протесты, неудовольствия и волнения зачастую основаны не основаны только на неправильностях расчета или на изменении расценок, дурном обращении с ними и тому подобное, а жиждутся на почве принципиальных вопросов: о 8-часовом рабочем дне, о праве представительства рабочих при обсуждении тех или иных мероприятий правительства, о праздновании 1 мая и т.д., или же под влиянием пропагандистов социалистического лагеря задаются еще более широкими задачами, касающимися политического строя, общности интересов рабочего класса с интересами учащейся молодежи, необходимости принятия участия в противоправительственных демонстрациях и проч. Указываемое течение ... все больше и больше распространяется»⁵.

Прокурор окружного суда о причине всеобщей стачки в Екатеринославе летом 1903 г. и ее застрельщиках писал:

"Трудно выяснить причину беспорядков, тем более, что они возникли на железнодорожных мастерских, где рабочие, по общим отзывам, были обставлены лучше, чем на других заводах; по всей вероятности, по роду своих занятий явля-

ьясь более развитыми людьми, они легче поддались влиянию социалистической пропаганды, которая велась среди них в больших размерах" ⁶.

Растущее влияние в рабочей среде Петербурга радикально настроенных рабочих отмечал в 1901 г. командующий корпусом жандармов Святополк-Мирский:

«В последние три-четыре года из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию, ... пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней». Такой молодежи, говорилось далее в документе, имелось на каждом заводе еще немного, но «эта горсть» «руководит всей остальной ... массой вполне легальных рабочих» ⁷.

Подобных высказываний представителей власти можно привести много – даже по периоду, предшествующему Первой русской революции 1905 г.

Соотношение спонтанности и организованности в развитии стачечных волн зависело от многих факторов. В ряде случаев стихийные выступления рабочих принимали бунтарский характер. Как отмечают авторы издания «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г.: Хроника», «бунты» были проявлением отчаяния рабочих, не видевших возможности перемен в своем положении; вспыхивали они там, где невелика была прослойка кадровых рабочих, где основную массу составляли рабочие, недавно вовлеченные в производство, многие из которых были выходцами из деревни ⁸.

Прежде чем переходить к обсуждению модели динамики стачечных волн, следует, как нам представляется, рассмотреть конкретные примеры возникновения и развития стачек рабочих фабрично-заводской промышленности России конца XIX – начала XX вв. Это позволит выявить определенные типологические элементы и факторы стачечной динамики на «микроуровне», включая элементы информационного воздействия на рабочую среду – как со стороны рабочих и партийных организаций и групп, так и со стороны властей. При этом мы хотим сосредоточиться на относительно раннем этапе стачечной борьбы российских рабочих, предшествующем массовому движению, возникшему в период Первой русской революции. Подходящий материал для этого содержится в выпусках упомянутой выше хроники рабочего движения в дореволюционной России (далее – «Хроника»), наиболее полном издании такого рода (в 1990-х гг. вышли 6 выпусков этого издания, включающих описания тысяч выступлений рабочих в 1895-1901 гг.).

* * *

Министр юстиции Н.В. Муравьев, попытавшийся разобраться в причинах роста рабочего движения в России еще в середине 1890-х гг., отмечал, в частности, появление в среде рабочих «боевых групп», под которыми он имел в виду группы организаторов и активных участников стачек. Число «зачинщиков», по терминологии полицейских документов, возрастало по мере расширения стачечного движения. Министр указывал на связь рабочих выступлений с «тайными обшествами», «старавшимися возбудить недовольство существующим строем»

(среди последних он выделял организации социал-демократов и народолюбцев)⁹. «Хроника» содержит многочисленные примеры прямого или косвенного участия тех или иных революционных организаций в массовых выступлениях рабочих (устная агитация, распространение листовок, личное участие в стачках, собраниях и сходках, инициатива в сборе средств в пользу семей бастующих, помощь в формулировании требований и т.д.)¹⁰.

Так, 24 мая – 16 июня 1896 г. в Петербурге и пригородах состоялось общепрофессиональное выступление рабочих-текстильщиков (18577 из общего числа 19390 рабочих 24 бумаготкацких, бумагопрядильных и ниточных фабрик). Были выработаны единые требования экономического характера, принятые на общем собрании рабочих 17-ти фабрик. Кроме того, рабочие отдельных фабрик составляли свои требования¹¹. Повод к выступлению – отказ фабрикантов оплатить рабочим дополнительно к одному объявленному выходным дню коронации Николая II в Москве 14 мая 1896 г. еще два дня (15 и 16 мая), т.е. дни, продолжавшихся коронационных торжеств, когда на многих предприятиях работы не производились из-за массового невыхода рабочих на фабрики. Отказ в требованиях послужил началом стачки, которая протекала волнообразно. Почти везде стачки начинались с выступления прядильщиков, затем к ним присоединялись ткачи и красильщики. *Активную роль в стачке сыграл «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», издававший и распространявший в городе и непосредственно на текстильных предприятиях листовки, организовывавший собрания и сходки представителей от коллективов бастующих фабрик.* Власти были серьезно встревожены тем, что стачку остановить не удастся, что с каждым днем к ней подключаются новые предприятия и тысячи бастующих. *15 июня С.Ю.Витте обратился к текстильщикам, заклиная «не слушать подстрекателей», уверяя, что правительству «одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочие»¹².* Это воззвание распространялось также в виде листовки среди рабочих, но успеха не имело. Текстильщики были поддержаны в столице выступлениями, денежной помощью рабочих тех фабрик и заводов, которые не участвовали в стачке, студентами, представителями интеллигенции. В места расположения фабрик власти направили две казачьи сотни, три пехотных полка. 1600 рабочих было арестовано, 1055 из них привлечено к суду, 84 заключено в тюрьму, 55 выслано на год «на родину» под гласный надзор полиции. Требования удовлетворены частично.

Другой пример. 23 декабря 1897 г. – 13 января 1898 г. в Иваново-Вознесенске (Владимирская губ.) состоялась коллективная стачка рабочих 15 ткацких, прядильных и ситцевых предприятий в связи с сокращением с 1 января 1898 г. числа праздничных дней. Бастующие (около 14 тыс. из общего числа 19315 рабочих 15 фабрик) требовали также допускать замену одного сменщика другим или разрешать до 5 прогулов в месяц без наложения штрафа, освобождать женщин от работ после родов на 1 мес. с оплатой 8 руб. из штрафного капитала, освободить арестованных в ходе стачек рабочих, оплатить за все забастовочные

дни¹³. Руководили стачкой члены Ивановского рабочего союза (К.Н. Отроков и др.). В ходе стачки проходили собрания и сходки, распространялась нелегальная литература. По заключению директора Департамента полиции стачка «носила характер образцовой сплоченности и организации»¹⁴. После стачки распространялась листовка Московского Рабочего союза «Письмо рабочим Иваново-Вознесенска». На место событий прибыл вице-губернатор, были вызваны фабричные инспектора, представитель прокурорского надзора. Город патрулировался двумя сотнями казаков и двумя батальонами солдат; были закрыты все винные лавки, у ворот фабрик стоял караул. Со 2 января началось увольнение бастующих, выселение их из фабричных квартир и отправка «на родину». 12-го состоялись переговоры рабочих с вице-губернатором. Начавшийся голод и отсутствие помощи со стороны заставили рабочих прекратить стачку. Требования были частично удовлетворены. Арестовано 54 рабочих¹⁵.

15–17 мая 1899 г. состоялась стачка всех 1400 рабочих С.-Петербургского вагоностроительного завода Речкина и К^о с требованиями экономического порядка. Были вызваны фабричные инспектора. По мнению ст. фабричного инспектора, причина стачки – *агитация*, «уже давно ведущаяся среди рабочих» и поддерживаемая распространением нелегальных листовок и газеты «Рабочая мысль». После стачки на заводе распространялась листовка «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Требования не удовлетворены, трое «зачинщиков» уволены¹⁶.

1–8 мая 1900 г. состоялись коллективные выступления рабочих Харькова: демонстрации (две – 5000 чел.), митинги (два – 3000 чел.) и стачки рабочих более 40 фабрично-заводских заведений (свыше 10000 стачечников из общего числа 14000 рабочих) в связи днем 1 Мая и выдвижением экономических требований¹⁷. Выступления организованы Харьковским комитетом РСДРП. С начала апреля распространялись брошюры о майском празднике, 22 апреля состоялась сходка, на которой рассматривался вопрос о проведении празднования 1 Мая; 26 и 27-го распространялась листовка, призывавшая отпраздновать 1 Мая под лозунгами 8-час. рабочего дня и политических свобод. Рабочие ж.-д. мастерских и паровозостроительного завода сняли с работ близлежащие заводы. К 1 мая город был наводнен полицией, казаками, войсками. Произошли столкновения рабочих с полицией и казаками, были раненые. Арестовано 202 чел. 2 мая рабочими Главных ж.-д. мастерских выдвинуты требование освобождения арестованных и ряд экономических требований. Со 2-го по 8-е мая прошли экономические стачки на заводах – паровозостроительном, машиностроительном Бельгийского т-ва, сельскохозяйственных машин М. Гельферих-Саде и др. Вызваны фабричные инспектора, губернатор, вице-губернатор, сотня казаков. Со 2-го мая город объявлен на военном положении. На заводе Бельгийского т-ва с 5-го – общий локаут. Требования частично удовлетворены. Арестовано 10 чел., многие уволены.

Следует отметить, что далеко не всегда организаторам стачки удавалось удержать ее от развития событий по «бунтарскому» сценарию.

Так, 12–14 июня 1898 г. состоялась стачка на одном из крупнейших заводов – Брянско-Бежицкого рельсопрокатного и железодельного акц. о-ва (Орловская губ.)¹⁸. Поводом послужило случайное убийство сторожем завода мальчика из рабочей семьи. Забастовщики (все 10470 рабочих завода) выдвинули ряд экономических требований, а также требование устранить ряд лиц из администрации за грубость. *Стачка была организована членами «Союза сознательных рабочих»; на организацию стачки оказало влияние известие о забастовке на Днепровском заводе (Екатеринославская губ.). В конце мая – начале июня на Брянском заводе распространялись нелегальные издания «Что нужно знать каждому рабочему», «Рабочая революция» и др.* Послано прошение губернатору; собравшимися на площади был поднят красный флаг. В ночь с 12 на 13 июня были сожжены и разгромлены заводские постройки, главная контора завода, где хранились расчетные книжки, главный корпус завода, сожжены и уничтожены машины в мастерской, из складов похищены готовые изделия. На ст. Бежицкая разгромлены гостиница, два магазина, 32 мелкие лавки, в том числе две пивные. Вызваны пристав, батальон пехоты (1,5 тыс. солдат); в ходе столкновений рабочие избивали солдат камнями, 17 рабочих ранено. 61 чел. арестован, по приговору суда заключен в тюрьму на 2 месяца. 32 рабочих уволены с занесением в «черные списки», лишаящие права поступления на фабрично-заводские предприятия. Требования частично удовлетворены. На заводе учрежден полицейский пост.

Как отмечают создатели «Хроники», несмотря на стремление социал-демократов ввести стачку в организованное русло (о чем говорилось и в листовках, распространявшихся на заводе), трудно было всю огромную массу рабочих удержать от бунтарских действий¹⁹. Менее чем через три месяца, 4 сентября 1897 г. стачка снова охватила Брянско-Бежицкий завод. *Накануне стачки и в этом случае распространялись листовки орловской социал-демократической группы.* Администрация обещала выполнить требования рабочих, но не сделала этого, что вызвало новую стачку осенью 1898 г.²⁰

Более характерными, однако, были проявления стихийного начала в развитии стачек на *текстильных* фабриках. Вот два примера такого рода из «Хроники» за 1897 г.

14–20 января 1897 г. состоялась стачка рабочих бумагопрядильной и ткацкой фабрики т-ва мануфактур Н.Н. Коншина «Новая Мыза» (Серпухов, Московская губ.) в связи с переходом от дневной 13,5 час. работы к сменной 18-ти час²¹. Бастующие (2260 из 4700 рабочих фабрики) выдвинули требования: повысить заработную плату, изменить расценки на различные сорта ткани, делать точную запись в расчетных книжках о величине зарплаты, уволить трех мастеров за взятки и грубость, улучшить качество продуктов в фабричной лавке и прекратить там об-

счета, расширить спальные помещения в казармах, ослабить систему штрафов. *Активные участники – С.Н. Агашкин, В. и Н. Смирновы, С.Е. Махов и др.* (приводятся 18 фамилий – *авт.*). Хозяин фабрики принял депутацию из шести рабочих 1-й смены, но забастовщиков не устроили незначительные уступки; депутация была арестована. 15-го рабочие потребовали освободить арестованных. Когда им было в этом отказано, начался бунт. Группа рабочих перебила стекла в окнах фабрики, в квартирах управляющего, мастеров, разгромила фабричную и несколько винных лавок, пыталась остановить работу на фабрике Каштановых, но там хозяин откупился «деньгами на водку». Вызваны фабричный инспектор, губернатор, полиция, 170 казаков, 300 солдат. Началось избиение рабочих: «многим ломали руки и ноги, отрубали уши, избивали женщин и детей»²². Ранено 80 чел. Стачка закончилась увольнением всех рабочих 1-ой смены. Арестовано 120 чел., привлечено к следствию 40 чел., из них 19 заключены в тюрьму. Требования не удовлетворены.

7-8 октября 1897 г. произошла стачка всех рабочих (7817 чел.) четырех фабрик – прядильной, ткацкой, красильно-отбельной и плисово-красильной – т-ва мануфактур Викулы Морозова с с-ми (с. Никольское, Владимирская губ.)²³. Требования – сократить продолжительность рабочего дня, увеличить зарплату, уволить ряд мастеров. *«Зачинщики» – рабочие Н.И. Андреев, М.И. Кириллов, С.И. Лукьянов и др.* (приводятся 11 фамилий – *авт.*). Стачка проходила бурно: выбиты стекла в фабричных корпусах, в конторе, разграблен и сожжен дом директора, сожжены четыре соседних дома, взломан склад и похищен из него товар. Вызваны фабричный инспектор, вице-губернатор, начальник ГЖУ²⁴, прокурор суда, полиция, 400 казаков, 300 солдат и полк пехоты из Москвы. Произошло столкновение рабочих с полицией: убит один и ранены двое рабочих. Требования не удовлетворены. Арестовано 100 чел., привлечены к следствию – 42, 26 – уволены, 18 – высланы «на родину».

Как отмечают авторы "Хроники", в 1899 г. в российском стачечном движении впервые возникли общегородские стачки, выходящие за рамки профессиональных²⁵. Все такие коллективные стачки 1899 г., как правило, проходили при полной информированности рабочих различных предприятий города о ходе событий и сопровождались «драматическими событиями, в ходе которых проходили массовые шествия, собрания и митинги, распространялись листовки, изданные местными партийными организациями. Выступления организованных групп рабочих сменялись стихийными беспорядками, а подчас и разгромами частных домов, заводских и фабричных контор и лавок»²⁶. Так, в «Хронике» за 1899 г. зафиксировано не менее 24 предприятий, где стачки и волнения сопровождались погромами административных и фабрично-заводских помещений, продуктовых лавок, избиениями, а то и убийством представителей администрации.

Ниже приводятся краткие описания двух таких стачечных волн 1899 г.

В коллективном выступлении 1–18 мая 1899 г. приняли участие более 10000 (из почти 16000) рабочих, объявивших стачки на 35 предприятиях Риги и ее окрестностей²⁷. Началось выступление стачкой рабочих фабрики общества льняной и джутовой мануфактуры, предъявивших требование об увеличении заработной платы. Были вызваны ст. фабричный инспектор, фабричный ревизор, пристав, полицмейстер, полиция, казаки, войска. 5-го мая произошло столкновение бастующих мануфактуры и рабочих соседних фабрик с полицией и солдатами. Были убитые и раненые, в том числе с вагоностроительного завода "Феникс". В городе начались беспорядки. 6-го вечером горели публичные дома, частный дом и винная лавка. Толпы двигались по улицам и били стекла в окна домов. Вновь произошло столкновение с войсками: они действовали прикладами, штыками и стреляли. 7-го беспорядки продолжались. *8-го с утра по городу было расклеено объявление губернатора*. Вечером были закрыты все кабаки. Беспорядки на предприятиях города продолжались. *7-го и 10 мая распространялись листовки Рижского рабочего комитета с призывом к всеобщей стачке в знак протеста против событий на Джутовой мануфактуре и с предъявлением требований об увеличении зарплаты и сокращении рабочего дня*. С 10-го мая по фабрикам Риги начались забастовки. Стачки везде начинались одинаково: работу бросала часть рабочих, к ним присоединялись остальные. Толпы, стоящие у ворот предприятий, встречали выходящих криками "Ура!", бросали камни в окна фабричных зданий, угрожали тем, кто не хотел прекращать работу. На Зассенгофской бумагопрядильной и ткацкой фабрике рабочие в первый день стачки вели себя шумно: одно отделение начинало работу, рабочие другого отделения врываются в мастерские и избивали работающих. Вечером посторонние лица ворвались на фабрику, били стекла, ломали оборудование. Во многих случаях на предприятия вызывались казаки или солдаты для охраны предприятий. На фабрике "Текстиль" казаки избили рабочих нагайками. Требования на некоторых фабриках были частично удовлетворены. Было арестовано 192 чел., в столкновениях убито 5 чел, ранено 34, в том числе 23 рабочих, а также полицейские, солдаты и казаки.

10–20 июля 1899 г. состоялась коллективная стачка рабочих (не менее 4759 из 7757) заводов акционерного общества горного и металлургического Никополь-Мариупольского и металлургического «Русский Провиданс» в связи с отказом выполнить предъявленные ранее требования и арестом 80 рабочих, оставивших работу для предъявления этих требований администрации²⁸. *Организаторы и активные участники стачки – члены Мариупольской с.-д. группы. Распространялись ее воззвания к 1 мая и листовка Донского комитета РСДРП («Письмо к мариупольским рабочим» и др.* Вызван исправник, полиция, 4 роты 210-го Перекопского резервного батальона, 3-й батальон 133 Симферопольского полка, батальон 13-го Феодосийского полка. 14-го мая огромная масса рабочих (до 4000 чел.) направилась к баракам незабастовавших рабочих Никополь-Мариупольского

завода и стала их избивать, требуя присоединения к стачке; тогда же были разбиты окна в мастерских, поломано 48 токарных станков и т.д. В полицейских и солдат, пытавшихся остановить побоище, полетели камни и палки; в ответ солдаты открыли огонь. Всего в ходе столкновений было убито не менее 21 чел., многие ранены. Требования не удовлетворены. Всего в ходе стачки арестовано не менее 157 чел., 27 чел. предстали перед судом, в том числе члены Мариупольской с.-д. группы.

Завершая первый раздел статьи, отметим следующее. Как показал анализ связи показателей стачечной активности и экономической конъюнктуры, влияние рассматриваемых внешних факторов на макроуровне не являлось определяющим в характере динамики стачечного движения в России конца XIX – начала XX вв. С другой стороны, материал «Хроники» показывает важную роль «внутренних» факторов, связанных с неудовлетворенностью рабочих конкретными условиями их труда; социальной неоднородностью фабрично-заводского пролетариата; степенью организованности рабочих; уровнем агитации и «контрагитации» в рабочей среде, жесткости в реакции властей на действия бастующих. Как отмечается в «Хронике», уже в 1902 г. в рабочей среде российской промышленности действовало более 420 партийных и рабочих организаций в более чем 260 населенных пунктах 63 губерний. В этом году было выпущено более 760 листовок, изданных различными партийными и рабочими организациями; 70% из них было выпущено с.-д. организациями. Тираж многих листовок достигал десятков тысяч экземпляров²⁹. В то же время происходила и активизация «попечительной» деятельности правительства в отношении рабочих, а также деятельность церкви, культурно-просветительных учреждений и обществ, министерства просвещения, направленная на усиление религиозно-монархических настроений в рабочей среде. Так, в начале 1900-х гг. синод, признавая опасность «распространения в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм», призвал к усилению духовного просвещения трудящихся. В 1900 г. министр финансов С.Ю.Витте предписал фабричной инспекции беспрепятственно допускать в промышленные заведения приходских священников, которым святейший синод вменил в обязанность усилить «пастырско-миссионерское попечение о духовных нуждах рабочих»³⁰. В этом направлении шло и распространение специальной литературы религиозного содержания, создание на предприятиях чайных (где можно было ознакомиться с газетами консервативного содержания)³¹, библиотек-читален и т.д. Борясь с социалистической агитацией и пропагандой, власти пытались противопоставить ей свою агитацию, направить активность рабочих в другое русло. Инициатор создания зубатовских рабочих организаций, начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов писал в 1901 г., что там, где «пристраивается революционер, там и должна быть государственная полиция... Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция»³².

Рассмотрим возможности, которые может дать исследователю нелинейная модель стачечной динамики, основанная на учете «внутренних» факторов. Она ориентирована на исследование процессов на микро- или мезоуровне, протекающих в едином информационном поле³³.

* * *

В соответствии со сказанным выше, стачечные волны относятся к тем историческим процессам, которые, несомненно, обладают внутренней динамикой и не могут быть сведены целиком к влиянию внешних факторов. Поэтому нашей задачей в данном разделе является построение модели именно *внутренней* динамики стачек, которая строится исходя из представлений о рабочей среде как о системе, регулируемой определенными коллективными переменными. Некоторые из этих переменных могут поддаваться измерению прямыми методами, некоторые – измеряться по косвенным данным; в то же время не стоит опасаться и введения в модель качественных переменных, для которых нет строгой измерительной процедуры, если эти переменные оказывают существенное влияние на динамику системы³⁴.

Как уже отмечалось выше, наряду с агитационно-пропагандистской и организационной деятельностью левых партий и рабочих организаций, на предприятиях проводилась и определенная контрагитация со стороны властей. «Зубатовские» и другие рабочие организации, санкционированные властями, стремились удержать рабочих от радикальных форм протеста; в большинстве случаев в начальной фазе стачечной волны власти стремились достигнуть компромисса с бастующими, посылая к ним фабричных инспекторов, представителей городской или губернской власти, священников или развешивая объявления фабричной администрации, распространяя листовки губернских или столичных властей.

Отметим, что стачечное движение в дореволюционной России было в реальности стачечной *борьбой*, поскольку стачка считалась преступлением, за участие в ней карали в уголовном и административном порядке³⁵. Материалы первого раздела данной статьи содержат убедительные примеры борьбы стачечников и властей, представленных, в частности, полицией, войсками и казачьими подразделениями. Уровень жесткости (или даже жестокости) властей в подавлении стачек влиял на их характер, продолжительность, результаты (в частности, организаторы или «зачинщики», а также активные участники стачек подвергались арестам, заключению в тюрьму, высылке и т.д., что уменьшало численность этого наиболее активного слоя рабочих).

Моделирование стачечной динамики, таким образом, не может не учитывать второго компонента социально-классового конфликта, проявлением которого являлась стачечная борьба – мы имеем в виду *власти*, диапазон действий которых включал как «мирные» средства контрагитации, так и жесткую политику силовых структур, осуществлявших политику подавления стачек. Этот второй компонент не следует понимать как независимый, «внешний» фактор по отношению к стачечно-

му движению – активность репрессивных действий властей зависела, в свою очередь, в определенной мере от масштаба и характера действий стачечников.

Мы начнем с обсуждения «пороговой» модели развития стачки. Представление о наличии у людей определенного порога для включения в общественное движение, вообще, характерно для моделирования процессов политической жизни³⁶. Интерпретации этого порога лежат в сфере мотиваций человеческих поступков – так, в среде рабочих-текстильщиков невысокой квалификации, где было много недавних выходцев из крестьян, существовали представления о послушании и терпении, которые удерживали их от проявлений протеста, и даже постоянное наличие некоторых провоцирующих факторов (плохие условия труда, завышенные нормы выработки) не приводило к непрерывному росту стачечной активности. Однако именно в такой среде при превышении «порога терпения» протест мог принимать черты бунта.

В роли управляющих параметров нашей модели, включающей три дифференциальных уравнения и три переменных (число бастующих рабочих, число «агитаторов», индекс активности властей в подавлении стачек) выступают коэффициенты a , b , c и m , имеющие следующий смысл: b – скорость роста стачечной волны при отсутствии давления властей (т.е. степень совокупного воздействия негативных факторов жизни рабочих, подталкивающих их к протесту); c – сила «сдерживающих» факторов (потенциальная или реальная угроза со стороны властей) в отсутствии агитации; m – эффективность агитации и a – ее возрастание в результате взаимодействия агитаторов³⁷. Все четыре параметра модели характеризуют информационное поле, в котором развивается стачечная волна, отражают различные аспекты распространения информации в нем.

Интересно, что практически во всем интервале, в котором задавались управляющие параметры, было обнаружено, что модель обладает *аттрактором*, к которому сходятся решения системы независимо от начальных условий. Этот аттрактор принадлежал к одному из трех типов: устойчивая точка (фокус), предельный цикл или странный аттрактор.

Перейдем к результатам анализа поведения модели при разных значениях ее параметров, приводящих к качественно разным режимам (типам динамики)³⁸.

Однако вначале зададимся вопросом о пользе для исследователей истории стачечного движения в России построения моделей. Отметим, что немало историков придерживаются мнения, что математические модели вряд ли вообще можно применять для изучения общественных процессов. Спорить об этом, однако, – не продуктивное занятие; каждый студент, обучающийся на факультете экономики или социологии, политологии или психологии обязан освоить целый ряд таких моделей. Существуют серьезные научные школы, развивающие методологию и методы математического моделирования в социальных науках. Но если математические модели текущих социальных, экономических, политических процессов можно конструировать, то почему нельзя это делать для процессов прошлого, зашедших относительно недавно или даже давно?

Однако и при утвердительном ответе на поставленный вопрос может возникнуть следующий: «а надо ли?». Если считать, что каждая стачка, каждая стачечная волна в истории рабочего движения в дореволюционной России уникальна, неповторима и не имеет общих существенных черт в своем развитии, то надо просто изучать каждую из стачек в отдельности. Мы, однако, исходим из того, что каждая стачечная волна несет в себе черты общего и особенного. Изучению должны подлежать оба аспекта. В фокусе моделирования находятся именно общие черты и закономерности изучаемых процессов.

Если согласиться с предложенной структурой модели (т.е. признать, что формализация соотношений между переменными в системе дифференциальных уравнений проведена адекватно, на основе естественных содержательных соображений о структуре стачечных волн), то исследование динамики модели может дать историку приращение знания об изучаемом социальном процессе. Во-первых, можно получить *типологию* динамических ситуаций в развитии процесса; во-вторых, можно определить те *области значений* параметров изучаемой системы, в которых реализуется тот или иной тип динамики. При этом особый интерес могут представлять те области, в которых процесс является неустойчивым, т.е. реакции системы на внешние возмущения становятся резко непропорциональными. Выявление такого режима в динамике изучаемого процесса существенно расширяет контекст понимания природы резких изменений в его развитии.

Анализ предложенной нами модели стачечного движения показал наличие трех типов динамики, каждому из которых соответствует свой аттрактор, к которому сходятся решения системы дифференциальных уравнений независимо от начальных условий (т.е. начальных значений численности стачечников, уровней агитационной деятельности левых партий и рабочих организаций, а также контрагитации властей).

Подчеркнем, что тип динамики определяется соотношением управляющих коэффициентов модели, которых в нашей системе дифференциальных уравнений – четыре. Эти коэффициенты (параметры модели) характеризуют свойства информационного поля стачечного движения: скорость роста стачечной волны при отсутствии давления властей (т.е. совокупное воздействие негативных факторов жизни рабочих, подталкивающих их к протесту); силу «сдерживающих» факторов (потенциальную или реальную угрозу со стороны властей) в отсутствии агитации; эффективность агитации и ее возрастание в результате взаимодействия агитаторов. Анализ модели выявил те области значений параметров модели, в которых поведение модели имеет устойчивый или неустойчивый (хаотический) характер – в зависимости от свойств информационной среды, в которой развиваются стачечные волны.

Итак, какие же типы динамики («сценарии» развития стачечной борьбы) возможны в поведении построенной нами модели? Дадим краткую содержательную интерпретацию (сводку) полученных результатов моделирования, обращая внимание на вид аттрактора.

1) Аттрактор – *устойчивая точка*. Со временем в системе устанавливаются постоянные значения всех трех переменных – численности стачечников и агитаторов, уровень давления властей («контрагитации»). Для интерпретации такого процесса подходит слово «равновесие». Можно сказать, что он описывает баланс между уровнем агитации и противодействием властей при малом (как следует из оценок при конкретных значениях параметров) уровне стачечной активности. Устойчивость этого равновесия гарантирует отсутствие в системе «революционных взрывов».

2) Аттрактор – *предельный цикл*. В предложенной модели это один из наиболее вероятных режимов, который в свою очередь можно классифицировать (в зависимости от соотношения отдельных параметров) на два типа.

Тип А. Антагонистическое взаимодействие стачечников и властей происходит согласованно: росту числа агитаторов соответствует рост противодействия властей, который приводит к уменьшению влияния агитации и, соответственно, последующему уменьшению давления властей. Некоторое увеличение стачечной активности возможно только на фазе роста числа агитаторов, но и этот процесс не выходит «за рамки» обычного, к тому же испытывает строгую периодичность. Условно можно назвать этот тип – стачечным движением в «гражданском обществе»: оно регулируемо, предсказуемо и не выходит за выделенные пределы.

Тип Б. Влияние «авторитета власти» быстро падает, т.е. власть не в состоянии справиться с агитацией «непрямыми» методами, и вся борьба со стачечным движением целиком возлагается на аресты. С той же долей условности, что и выше, этот тип описывает «полицейское государство», которое оказывается устойчивым и предсказуемым, хотя использует для своего поддержания методы прямого насилия. Отметим также, что максимальные значения стачечной активности здесь сильно превышают аналогичные пределы в цикле типа А, так что тип Б описывает хотя и регулярное (циклическое), но весьма «возбужденное» состояние рабочей среды.

3) *Странный аттрактор*. Модель в определенной области значений параметров порождает непредсказуемое поведение, т.е. детерминированный хаос. Странные аттракторы, возникающие при различных сочетаниях параметров внутри этой области, можно (так же как и в случае предельных циклов) разделить на два типа.

Тип А' характеризуется сочетанием нестройной цикличности в степени активности агитаторов и властей со всплесками стачечной активности. Исходя из структуры нашей модели, можно указать причину этих всплесков: уровень агитации, возрастая, превысит значение, пороговое для роста стачечного движения. После этого стачечная активность быстро увеличивается, что в свою очередь приводит к резкому уменьшению числа агитаторов из-за отрицательной обратной связи («арестов»). Продолжая падать, это число достигает стачечного порога, и, соответственно, стачечное движение вновь затихает. Важно, что аperiodический характер процесса не позволяет точно предсказать время и величину следующего

«всплеска» забастовок. В целом этот тип динамики характеризуется непредсказуемыми «взрывами» стачечной активности на фоне непрерывной борьбы властей с рабочими и партийными организациями («агитаторами»).

Тип Б' странного аттрактора демонстрирует нетривиальное поведение модели, представляя собой как бы «скрещенный» вариант обоих типов описанных выше предельных циклов (А и Б). Если на первой фазе процесса начальный уровень стачечной активности мал, то с ростом агитации растет и уровень подавления ее со стороны властей, после чего значения обеих переменных начинают падать. Далее, на второй фазе, рост агитации, превышая рост противодействия властей, преодолевает порог развития стачек, в то время как реакция властей еще задерживается и остается малой. Вспыхивает стачечная борьба, растет число стачечников, после чего в третьей фазе в действие вступает фактор насильственной борьбы с агитаторами. Происходит циклическое численности агитаторов и стачечников при все еще малом давлении властей, т.е. повторяется ситуация предельного цикла типа Б. Этот процесс идет очень быстро, цикл даже иногда успевает повториться несколько раз, прежде чем начинает возрастать подавление со стороны властей, и тогда, наконец, система вновь возвращается к первой фазе. Хаотизация динамики системы состоит здесь в том, что каждый цикл имеет свою специфику, проявляющуюся в различных всплесках стачечной активности, непредсказуемости частоты появления пиков. Другими словами, здесь мы имеем дело с чередованием относительно длительных периодов «спокойного» развития стачечного движения, успешной борьбы властей с агитаторами и внезапно возникающих относительно коротких периодов «взрывного» процесса стачечной активности, в течение которых стачечная борьба не просто может непрерывно расти, но даже испытывать два и более пиков активности, во время которых факторы «спокойного» сдерживания теряют свою роль, а все определяет насильственная борьба.

Такова качественная картина динамических процессов, порождаемых предложенной нелинейной моделью стачечного движения при различных сочетаниях ее параметров, характеризующих свойства рассматриваемой информационной среды.

* * *

Интересно отметить, что в процессе работы над данной статьей было получено еще одно свидетельство полезности разработки и исследования нелинейных моделей стачечной динамики. В опубликованной недавно статье голландских историков С. Ван дер Вельдена и П. Доорна, посвященной анализу факторов, определявших динамику стачечного движения в Голландии в XIX–XX вв., отмечается, что регрессионный анализ, проведенный с учетом целого ряда факторов, не смог объяснить более 20% дисперсии показателя стачечной активности. При этом авторы использовали такие существенные переменные как зарплата рабочих, индекс цен, уровень безработицы, доля рабочих-членов профсоюзов и участников колдоговоров, доля голосующих за левые партии и доля представителей этих

партий в составе правительства, индекс ВВП, показатель экономической конъюнктуры, наличие институциональных ограничений в проведении забастовок и др.³⁹. Обсуждая причины неудачи в объяснении динамики стачек в Голландии с использованием большого числа внешних факторов, С. ван дер Вельден и П. Доорн отмечают, что эти факторы слабо учитывают роль рабочих-активистов (worker activists) в организации стачек. Более существенным в контексте нашей работы является констатация ими того, что в социальных науках нелинейные модели с хаотическим поведением служат пока больше в качестве метафор, чем в качестве верифицируемых моделей, хотя именно они «могут быть адекватным моделями для описания «взрывных» процессов в динамике отдельных стачек, в которых неудовлетворенность условиями труда или политической ситуацией конкурирует со страхом потерять работу или заработок... Стачки могут распространяться как лесной пожар, и теория хаоса применялась для описания таких диффузионных процессов с успехом»⁴⁰.

Как нам представляется, предложенная нами модель в определенной мере служит доказательством справедливости сказанного. В состоянии неустойчивости стачечного процесса, при определенных параметрах информационной среды (например, вблизи их «пороговых» значений) ход событий может стать непрогнозируемым: незначительный информационный сигнал может вызвать всплеск стачечной активности. Предложенная модель может, в частности, объяснить, когда (при каких параметрах движения) это происходит.

¹ См., например, библиографию к изданию: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 711-721.

² Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Стачное движение в России в 1895–1913 годы: структура и связи с развитием промышленности и изменением экономического положения пролетариата (Опыт корреляционного анализа) // История СССР, 1986. N3; Бовыкин В.И., Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Опыт применения статистических методов и ЭВМ при разработке помесячных данных о стачках в России в период 1905–1907 гг. // Математические методы изучения массовых источников / Ред. Ю.П. Бокарев. М., 1989; Bovykin V.I., Borodkin L.I., Kiryanov Yu.I. Strikes in Imperial Russia, 1895–1913: a quantitative analysis // Strikes, Wars and Revolutions in an International Perspective. Strike Waves in the Late 19th and Early 20th centuries / Ed. by L. Haimson and Ch. Tilly. Cambridge University Press. Editions de la Maison des Sciences de l'Homme. New-York, Paris, 1989; Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Рабочее движение в России в 1895–1904 годах и факторы социально-экономического и политического развития // Россия и США на рубеже XIX–XX столетий (Математические методы в исторических исследованиях) / Ред. Л.В. Милов. М., 1992; Бородкин Л.И., Кирьянов Ю.И. Рабочее движение в России в 1895–1904 гг. и факторы его развития // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях / Ред. Ю.П. Бокарев. М., 1993. Квантитативные исследования стачечного движения и факторов его развития в дореволюционной России // Россия на рубеже XIX – XX веков. Материалы научных чтений памяти профессора В.И. Бовыкина / Отв. ред. А.Г. Голиков, А.П. Корелин. М., 1999.

³ События Первой русской революции 1905–1907 гг. резко расширили информационное пространство стачечного движения, породив феномен Всероссийской стачки.

⁴ Это даже дало основание Р. Францоzi назвать свою книгу, вышедшую в изд-ве Кэмбриджского ун-та в 1995 г., «Загадка стачек». См.: Franzosi R. The Puzzle of Strikes. NY, Cambridge University Press. 1995. – 502 pp.

⁵ Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 595.

⁶ См.: Представление прокурора Екатеринбургского окружного суда А.М. Клигенберга от 7 авг. 1903 г. // Рабочее движение в России в 1901–1904 гг. Сб. документов. Л., 1975. С. 263.

⁷ Весподданнейший доклад товарища министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, 1901 г. // Красный архив. 1936. №3. С. 62. Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 594.

⁸ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV. 1898 г. / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов. М.–СПб. 1997. С. 23.

⁹ Цитируется по: Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. III. 1897 г. / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов. М.–СПб., 1995. С. 3.

¹⁰ Далее в описаниях стачек, взятых из «Хроники», курсивом нами выделены фрагменты текста, содержащие свидетельства информационных воздействий в рабочей среде.

¹¹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. II: 1896 г. / Отв. ред. Ю.И. Кирьянов. М.–СПб., 1993. С. 55-56.

¹² Там же. С. 5-6.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 133–134.

¹⁶ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. V. 1899 г. / Отв. ред. И.М. Пушкарева. М., 1998. С. 110–111.

¹⁷ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника, вып. VI. 1900 г. / Отв. ред. И.М. Пушкарева. М., 1999. С. 91–92.

¹⁸ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. IV. 1898 г. С. 118-119.

¹⁹ Там же. С. 12.

²⁰ Там же. С. 12–13.

²¹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. III. 1897 г. С. 41.

²² Там же.

²³ Там же. С. 118–119.

²⁴ ГЖУ – губернское жандармское управление.

²⁵ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника, вып. V. 1899 г. С. 8.

²⁶ Там же. С. 9.

²⁷ Там же. С. 88–100.

²⁸ Там же. С. 136–137.

²⁹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. VIII. 1902 г. Ч. II. С. 833–834.

³⁰ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 552.

³¹ Число чайных выросло с 2600 в 1900 г. до 3900 в 1903 г. (70 млн. посещений в 1903 г.). См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 552.

³² Цит. по: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 553.

³³ Полное описание модели и ее анализ см. в работе: Андреев А.Ю., Бородкин Л.И. Нелинейная модель стачечного движения: анализ эффектов самоорганизации // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М., 2003.

³⁴ Как правило, в таких случаях удается построить индексы на основе измеримых показателей, характеризующих различные аспекты проявления указанных качественных переменных.

³⁵ В течение 1870-х – 80-х гг. карательные меры по отношению к стачечникам усиливались. Так, по закону 1886 г. «подстрекательство» к стачкам каралось тюремным заключением до 8 мес., а участие в них – до 4 мес.

³⁶ См., напр.: Андреев А.Ю., Бородкин Л.И., Левандовский М.И. Синергетика в социальных науках: пути развития, опасности и надежды // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике. Минск, 1998.

³⁷ См.: Андреев А.Ю., Бородкин Л.И. Указ. соч. С. 454–455.

³⁸ Строгий анализ результатов моделирования см. в работе: Андреев А.Ю., Бородкин Л.И. Указ. соч.

³⁹ S. van der Velden and P. Doorn. The Striking Netherlands: Time Series Analysis and Models of Socio-Economic Development and Labour Disputes, 1850–1995 // Historical Social Research. Vol. 26, 2001. №1.

⁴⁰ Ibid. P. 242.